войск нацгвардии. Разве органы, уполномоченные получать заявки, не являются федеральными органами исполнительной власти?

Статья 205.6 УК РФ предполагает наличие прямого умысла, так как лицо понимает, что имеет сведения о преступнике, совершившем деяния, перечисленные в ст. 205.6 УК РФ, и желает скрыть эту информацию путем ее несообщения. Более того, понимание и осознание своего поведения при достоверном знании скрытой информации свидетельствует о желании действовать определенным образом, с волевым отношением к ней как к нужной, а не безразличной. В этой связи я хотела бы сделать критическое замечание относительно определения преступника.

В настоящее время практика применения ст. 205.6 УК РФ практически отсутствует. Так, 6 февраля 2017 г. Кировский районный суд города Астрахани вынес первый в России приговор местному жителю Г.У., признав его виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ, виновный был приговорен к штрафу в 70 тысяч рублей. В ходе следствия было установлено, что Г.У., обладал достоверной информацией о том, что его знакомый, гражданин Кыргызстана А.Р., участвовал в вооруженном незаконном формировании [6. С. 58-61].

Итак, подведем итоги. В связи с вышеизложенным считаем разумным установить в Федеральном законе «О противодействии терроризму» для граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства обязанность сообщать о готовящемся или совершенном террористическом акте, поощрять террористическую деятельность, подготовку к осуществлению террористической деятельности, организацию, а также в УК РФ предлагаю ввести норму об ответственности за неявку о готовящемся или совершенном террористическом акте., Содействие террористической деятельности, подготовка кадров для осуществления террористической деятельности, организации террористического сообщества и / или его участие.

1. Зубарева К.В., Бадуртдинов А.А., Васильев А.М. Домашнее насилие, выраженное в побоях, избиении и в угрозе убийством // В сборнике: Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. 2020. С. 77-82.
2. Скоян С.М., Васильев А.М. Противоречия и необходимость в квалификации нормы СТ. 207.1 УК РФ // Право и образование. 2020. № 8. С. 78-85.
3. Зубарева К.В., Бадуртдинов А.А., Васильев А.М. Насилие в семье как основной показатель при квалификации // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 6-4 (96). С. 137-141.
4. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzhko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the russian educational system // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2020. Т. 11. № 1. С. 187-195.
5. Pelevin S., Vasiliev A., Taubaev B., Tileubergenov Y. The participation of youth of western countries in political life of the society. the youth in the political life of the society // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Т. 9. № 2 (32). С. 761-766.
6. Васильев А.М., Окружко В.Ю. Особенности криминологической характеристики личности террориста // Юридическая наука. 2019. № 9. С. 58-61.

Дудоров Т.Д., Кирюхин А.Ю.

**Понятие «уголовно-процессуальная функция» в науке уголовного процесса:
ретроспективный анализ**

*ФГБОУВО Российский государственный университет правосудия
(Россия, Воронеж)*

doi: 10.18411/lj-02-2021-201

idsp: ljjournal-02-2021-201

Аннотация

В статье предлагается анализ становления и развития учения об уголовно-процессуальных функциях в науке российского уголовного процесса, делается вывод о

нецелесообразности смысловой и структурной привязки содержания понятия «уголовно-процессуальная функция» и принципа состязательности. Авторы предлагают исходить из системности уголовного судопроизводства, целей и задач каждого его этапа, которые определяют деятельность участников уголовного процесса, и в конечном итоге – из общего назначения, закрепленного в ст. 6 УПК РФ. Содержащиеся в ней положения могут быть использованы в научных исследованиях по рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: функция, уголовный процесс, назначение уголовного процесса, участники уголовного процесса, обвинение, защита, разрешение уголовного дела, стадии уголовного процесса.

Abstract

The article proposes an analysis of the formation and development of the doctrine on criminal procedure functions in the science of the Russian criminal process, concludes that the meaning and structural binding of the content of the concept of "criminal-procedural function" and the principle of adversarial function are impractical. The authors proposes to proceed from the systemicity of criminal proceedings, the goals and objectives of each stage, which determine the activities of the participants in the criminal process, and ultimately - from the general purpose, enshrined in Article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation. Its provisions could be used in scientific studies on the subject at hand.

Keywords: function, criminal process, appointment of criminal process, participants in the criminal process, prosecution, defense, resolution of the criminal case, stages of criminal process.

Современное уголовное судопроизводство декларируется законодателем как состязательное, что предполагает выделение нескольких самостоятельных процессуальных функций, отграниченных друг от друга как содержательно, так по субъектам, их реализующим. В ч. 2 ст. 15 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень уголовно-процессуальных функций: защита, обвинение, разрешение уголовного дела, которые не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Названные функции в различных формах реализуются на всех стадиях уголовного процесса, что предполагает необходимость обращения к научному осмыслению базового понятия «уголовно-процессуальная функция» как ретроспективно, так и в контексте современных суждений, высказываемых учеными-процессуалистами.

В период бурного развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства, предшествующий принятию Устава уголовного судопроизводства 1864 года, в науке уголовного процесса шло бурное обсуждение базовых дефиниций, которые впоследствии вошли в лексикон законодателя. Одной из основных было именно понятие «уголовно-процессуальная функция», которым обозначалось направление деятельности того или иного участника уголовного судопроизводства [1]. Несмотря на тот факт, что названная трактовка была основной, плюрализм мнений все же присутствовал. Так, например И.Я. Фойницкий предлагал рассматривать уголовно-процессуальную функцию более широко, включив в ее содержание ролевую составляющую, определяющую цель привлечения того или иного лица в уголовный процесс [2]. Через призму реализации принципа состязательности раскрывал содержание уголовно-процессуальной функции С.В. Познышев, указывая, что уголовный процесс выражается в отделении защиты от обвинения, предоставлении им статуса независимых друг от друга сторон, деятельность которых не зависима и от суда, регулирующего лишь порядок состязания и следящего, чтобы внешнее выражение такой деятельности не выходило за пределы, установленные в законе [1]. Подобный подход в части содержания судебной деятельности вызывал острые споры, суть

которых сводилась к необходимости предоставления суду активной роли в доказывании, поскольку его задача – установить, по возможности материальную истину, что не может быть сделано при отсутствии у него права восполнения доказательств, права опереться на те данные, которые не приводились сторонами [4].

В советский период развития уголовно-процессуального права при доминировании розыскной формы уголовного судопроизводства складывался принципиально иной подход к определению содержания уголовно-процессуальных функций в части форм и способов их системного взаимодействия. Содержание основных направлений деятельности участников уголовного процесса более не увязывается с принципом состязательности, а, следовательно, не обсуждается и запрет на возложение разных функций на одно и то же должностное лицо. Часть специалистов, следуя сложившейся дореволюционной научной традиции, рассматривали уголовно-процессуальную функцию как направление деятельности определенной группы участников уголовного процесса [5, с. 105, 109], при этом обособляя функцию предварительного расследования, которая сочетала в себе элементы обвинения и защиты и возлагалась на лицо, производящее дознание и следствие [6, с. 72].

Несколько позднее, уже после принятия Основ уголовного судопроизводства 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. подходы к понятию «уголовно-процессуальная функция» стали значительно различаться, поскольку им обозначались принципиально разные явления. В частности, З.Ф. Коврига полагала, что это не только направления деятельности участников уголовного процесса, но и самого уголовного процесса как вида государственной деятельности, что коррелировало с его целями и задачами [7, с. 118-120]. Достаточно распространение в науке советского уголовного процесса получила трактовка исследуемой дефиниции как роли и специального назначения участника процесса [8, с. 4], а также как его процессуальных обязанностей [9, с. 5]. В качестве дополнительных элементов понятия «уголовно-процессуальная функция» предлагались активное участие субъекта в уголовно-процессуальной деятельности; наличие правомочия на принятие решения о дальнейшей судьбе уголовного дела [10, с. 82], его движении; наличие публичного, личного либо представляемого интереса участников [11, с. 54-55] и др. Во всех предлагаемых трактовках неизменным оставалось одно – неразрывная связь функции и ее носителя, что укладывалось в традиционную формулировку «направление уголовно-процессуальной деятельности», но приобретало системный характер, поскольку содержание деятельности носителя процессуальной функции следовало стадийности уголовного процесса. Именно в период, предшествующий принятию УПК РФ, шло активное обсуждение соотношения процессуальной функции со стадиями уголовного процесса, поскольку досудебное производство традиционно не относилось к числу состязательных, следовательно, возникал вопрос о содержании функций защиты и обвинения [12, с. 53].

Как уже было отмечено, провозгласив состязательность как формообразующий принцип уголовного процесса (ст. 15 УПК РФ), законодатель ограничил количество процессуальных функций тремя, проявив тенденцию следования отечественной правовой традиции. Однако, и в современной науке уголовного процесса предлагается расширительно толковать исследуемое понятие, а, соответственно, каждый из видов уголовно-процессуальной деятельности предлагается позиционировать именно как функцию: предварительное расследование, надзор и контроль за расследованием [13, с. 75], возмещение причиненного преступлением ущерба – установление причин и условий преступления [14, с. 54] и т.д. Таким образом функция вновь привязывается либо к движению уголовного дела, либо к правам и обязанностям отдельных участников процесса [15, с. 29].

Мы полагаем, что при определении сущности и содержания уголовно-процессуальной функции необходимо отталкиваться от аксиоматичного утверждения о том, что уголовный процесс представляет собой систему стадий, каждая из которых

при наличии общей взаимосвязи и взаимообусловленности имеет функциональную обособленность, определенную целями и задачами данного этапа судопроизводства. Соответственно, деятельность участника уголовного процесса подчинена решению задач конкретного этапа, в ходе которого происходит реализация прав и обязанностей, формирующих процессуальный статус. Выстраивая логическую цепь рассуждений, мы приходим к заключению, что решение частных задач определенной стадии процесса при движении уголовного дела, его разрешении по существу в конечном итоге должно обеспечить назначение всего уголовного судопроизводства, закрепленное в ст. 6 УПК РФ. Как следует из изложенного, характер уголовно-процессуальной деятельности участника процесса предопределяется его функцией.

Таким образом, полагаем, что уголовно-процессуальная функция может быть определена как характер уголовно-процессуальной деятельности участника уголовного процесса, его место и роль в решении задач и достижении цели конкретного этапа уголовного судопроизводства, а, следовательно, достижении назначения уголовного процесса в целом.

1. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Т. 1. Киев, 1889 // <https://search.rsl.ru/ru/record/01003515495>
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1895 // <https://search.rsl.ru/ru/record/01003518299>
3. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913 // <https://search.rsl.ru/ru/record/01009450445>
4. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1905 // <https://search.rsl.ru/ru/record/01008640794>
5. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. 152с.
6. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М: Госюриздат, 1962. 503с.
7. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность. Воронеж: ВГУ, 1984. 191с.
8. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971. 342с.
9. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М.: Юрид. лит. 1986. 159с.
10. Нажимов В.П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1973. № 5. С. 73-82.
11. Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 172с.
12. Головкин Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права // Государство и право. 2002. № 5. С. 51-61.
13. Степаненко Д.А., Лавдаренко Л.И. Является ли судебный контроль уголовно-процессуальной функцией? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 5(24). С. 72-76.
14. Сычев Д.А. Уголовно-процессуальная функция: понятие, содержание, определение // Социология и право. 2015. № 1(27). С. 49-56.
15. Стельмах В.Ю. Необходимость развития теоретических представлений об уголовно-процессуальных функциях // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 28-31.

Дядькин Д.С., Зорькина А.А.

Виды преступлений экстремистской направленности и некоторые вопросы их классификации

*БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет»
(Россия, Сургут)*

doi: 10.18411/lj-02-2021-202

idsp: ljjournal-02-2021-202

Аннотация

В статье рассмотрены виды преступлений экстремистской направленности, а также вопросы классификации указанных правонарушений. Сделан вывод, что классифицировать преступления экстремистской направленности, предусмотренные в